

Ф.Н. ГЛИНКА ♦ Н.А. ДУРОВА
Д.В. ДАВЫДОВ ♦ А.П. ЕРМОЛОВ

♦ ♦ ♦ ПИСЬМА ♦ ♦ ♦
РУССКОГО ОФИЦЕРА

Школьное чтение

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

**Федор Николаевич Глинка
Денис Васильевич Давыдов
Надежда Андреевна Дурова
Алексей Петрович Ермолов**

**Письма русского
офицера. Воспоминания
о войне 1812 года**

Серия «Школьное чтение (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69241795

*Письма русского офицера : воспоминания о войне 1812 года / Ф. Н. Глинка, Н. А. Дурова, Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155197-1*

Аннотация

В книгу вошли воспоминания о войне 1812 года участников военных действий.

Федор Николаевич Глинка (1786–1880) – известный литератор первой четверти XIX века, участник отечественной войны 1812 года, редактор «Военного журнала». Будучи адъютантом генерала Милорадовича Глинка принял участие практически во всех сражениях войны с Наполеоном.

Надежда Андреевна Дурова (1783–1866) – больше известная как «кавалерист-девица» – первая в отечественной истории женщина-офицер, прошедшая боевой путь в эпоху Наполеоновских войн. В середине жизни она взялась за написание воспоминаний и, по словам А. С. Пушкина, «столь же крепко держала перо, как прежде саблю».

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) – поэт и писатель второй четверти XIX века, один из самых известных и любимых героев войны 1812 года. Подполковник Давыдов обратился к Багратиону с предложением создать партизанский отряд. Гусарский отряд Давыдова совершал дерзкие налеты на войска противника, которые и легли в основу его мемуаров.

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – один из самых известных участников войны 1812 года. «Подвиги Ваши, – писал А. С. Пушкин, – достояние Отечества, и Ваша слава принадлежит России».

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Федор Николаевич Глинка	6
Предуведомление	6
Описание отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из россии и переход за границу в 1813 году	8
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Алексей Ермолов, Денис
Давыдов, Надежда
Дурова, Федор Глинка
Письма русского
офицера. Воспоминания
о войне 1812 года**

© Савченков И.Ю., ил. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Федор Николаевич Глинка Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год¹

Предуведомление

В 1817 году, когда мне довелось быть Председателем известного в то время Литературного общества и, в чине полковника гвардии, членом Общества военных людей и редактором Военного журнала, – посетили меня в один вечер (в квартире моей в доме Гвардейского штаба) Жуковский, Батюшков, Гнедич и Крылов. Василий Андреевич (Жуковский) первый завел разговор о моих Письмах русского офицера, заслуживших тогда особенное внимание всех слоев общества.

¹ Печатается с сокращениями.

«Ваших писем, – говорил Жуковский, – нет возможности достать в лавках: все-де разошлись. При таком требовании публики необходимо новое издание. Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать. Теперь ведь уже уяснилось многое, что прежде казалось загадочным и темным».

Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, и разговор продолжался. Крылов молчал и вслушивался, а наконец заговорил: «Нет! – сказал он, – не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не позволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написалось у вас где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный XII-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование». <... >

Описание отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из россии и переход за границу в 1813 году

Мая 10, 1812. Село Сутоки

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозою, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, – говорят простолюдины, – прошлого года так долго ходила в небесах невиданная звезда; недаром горели города, села, леса и во многих местах земля выгорала: не к добру это все! Быть великой войне!» Эти добрые люди имеют свои замечания. В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в «Ведомостях» только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе. Мы читаем в Степенных книгах, что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой, и небо, чудесными

знамениями, как бы предуведомляло землю о грядущем горе...

<...> К чему сам государь, оставя удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? – К чему, как не к войне!.. Но война эта должна быть необыкновенна, ужасна!.. Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, – прорвется – и наводнение будет неслыханно! – О, друг мой! Ужели бедствия нашествий повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Русские не выдадут земли своей! Если не достанет воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество!

16 июля 1812 – Смоленск

Сейчас приехал я в Смоленск. Какое смятение распространилось в народе!.. Получили известие, что неприятель уже близ Орши. В самом деле, все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере близ Дриссея и ожидали неприятеля.

Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск?

Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего. Народ у нас не привык слышать о приближении неприятеля. Умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки неприятелю. Кажется, в России, равно как и в Испании, будет он покорять только землю, а не людей...

17 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную. Губернский предводитель наш, майор Лесли, от лица всего дворянства испрашивал у государя позволения вооружить 20 000 ратников на собственный кошт владельцев. Государь с признательностью принял важную жертву сию.

Находящиеся здесь войска и многочисленная артиллерия были обзриваемы самим государем. К ним, по высочайшему повелению, должны немедленно присоединиться идущие из Дорогобужа и других депо рекрутские батальоны. Уже передовой отряд, под начальством храброго генерала Оленина, выступил к Красному. Старый генерал Лесли, поспешно вооружив четырех сынов своих и несколько десятков ратников, послал их присоединиться к тому же отряду, чтоб быть впереди. Вчера принят Е[го] И[мператорским] В[еличеством] из отставки в службу генерал-майор Пассек и получил на-

чадьство над частью здешних войск. – Земское ополчение усердием дворян и содействием здешнего гражданского губернатора барона Аша со всевозможной скоростью образуется.

Смоленск принимает вид военного города. Беспреданно звенят колокольчики; скачут курьеры; провозят пленных или шпионов.

Несколько польских губерний подняли знамя бунта. Недаром они твердили пословицу: «Слышит птичка весну». О заблуждение! Они думают воскреснуть среди всеобщего разрушения!.. Обстоятельства становятся бурны. <...>

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая-де-Толли, а вторая – князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля, соединились наконец у Смоленска. Генерал Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна; но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. Войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное

добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!

19 июля. Там же

Я имел удовольствие обнять брата моего Григория, служащего в Либавском пехотном полку. Общество офицеров в этом полку прекрасное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? – спросишь ты. – Общие наши товарищи: кадеты! – О! Как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет. Совоспитанники по сердцу и душе встречаются везде с непритворным, сердечным удовольствием... Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мной точно то же, какое было за 10 перед этим лет, несмотря на то, что я только бедный поручик! Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы; когда пища, науки и резвости были общими; когда, не имея понятия о жизни и свете, мы так сладостно мечтали о том и другом!.. Помнишь, как, по-

второя бессмертные слова Екатерины, что корпус кадетский есть рассадник великих людей, мы любили воображать себе, что все до одного будем полезны Отечеству. Но сколько из юных растений этого рассадника, поверженные в бури случаяев, утратили способности свои от бездействия, сделались бесполезными от несправедливости людей и увяли от бедности – или в тени неизвестности, лишены спасительных лучей – ободрения!..

Вчера армии двинулись от Смоленска, вниз по течению Днепра, к окрестностям озера Катани. Авангард пошел к Рудне; оттуда ожидают неприятеля, который теперь толпится на пространстве между Двиной и Днепром. Это наступательное движение войск наших много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Дай Бог нашим вперед! Помоги Бог оттолкнуть дерзких от древних рубежей наших!.. Однако ж, идя вперед, кажется, не забывают о способах, обеспечивающих и отступление... На этих днях военное начальство требовало у гражданского губернатора надежного и деятельного дворянина для особенных важных препоручений. Зная из многих опытов усердие и деятельность брата моего Ивана, губернатор представил начальству его. Тотчас поручено было ему, со всевозможной скоростью, без лишней огласки, устроить сколько можно более переправ на Днепре у Соловьева, что на большой Московской дороге. Мосты спеют с удивительной поспешностью.

Работают день и ночь. Великие толпы народа, бегущие

из разных занятых неприятелем губерний, переправляются беспрестанно. «Но неужели и войска пойдут через них?» «Ужели и Смоленск сдадут?..»

Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же.

Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании.

«Повели, государь! Все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собраться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. «Дозволят – и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться – и удерживать; станем сражаться – и отражать!..»

Августа 4 дня. Село Сутоки, в 2 часа, за полдень

В сии минуты, как я пишу к тебе дрожащей рукой, решается судьба Смоленска. Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город. Сегодня все обыватели высланы; батареи расставлены.

Неприятель с двумястами тысяч наступает на Смоленск, защищаемый 150 000 наших. Покровская гора еще в наших руках. Теперь сражение горит под самыми стенами. Когда получишь эти строки, то знай, что чей-нибудь жребий уже решился: или отбит Наполеон, или – дверь в Россию отперта!..

Я сейчас иду помолиться в последний раз на гробах родителей и еду к старшему брату Василию: от него видно сражение. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково

Я видел ужаснейшую картину – я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее. 4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен, под стенами его, горстью неустрашимых россиян. 5 числа, с ранней зари до позднего вечера, 12 часов продолжалось сражение перед стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг места; дрались как львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем – и все,

что может гореть, – запылало!..

Опламененные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными...

В глубокие сумерки вынесли из города икону Смоленской Божьей Матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражений, сопровождал печальное шествие это. Блеск пожаров освещал его. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтоб Смоленск взят был непременно 5 числа; однако ж русские отстояли его грудью, и 5 числа город не был взят. Но брано – о превратность судьбы! – то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно!.. Главнокомандующий имел на то причины. Теперь Смоленск есть огромная груда пепла; окрестности его – суть окрестности Везувия после извержения. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас,

т. е. 8 числа к вечеру, приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться! Злодеи берут одним многолюдством.

Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак – народная война!

Его императорское высочество Константин Павлович, усердно разделяющий с войском труды и опасности, был свидетелем кровопролитного боя и страшного пожара смоленского. С душевным прискорбием взирал он на разрушение одного из древнейших городов своего отечества. Жители Смоленска неутешны. Несчастья их неописанны. О, друг мой! Сердце твое облилось бы кровью, если бы ты увидел злополучие моей родины. Но судьбы высшего неиспытанны.

Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны, народа, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилоствят, наконец, разгневан-ные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец!

Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться смолянин за свой отечественный город. В этом уверили нас все офицеры его полка. Бригадой их командовал генерал-майор Оленин

и водил ее в самый жаркий огонь. Все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, который убит 5 числа в передней цепи стрелков. Кровопролитные битвы еще продолжаются.

Мы ложимся и встаем под блеском зарев и громом перестрелок. Мне уже нельзя заехать домой; путь отрезан! Итак, иду туда, куда двигает всех буря войны!.. Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям; толпы народа спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего отечества. Бедный С...! В то время как брат его сражается и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем в дни ужаса! Прощай!.. Может быть, в этом мире уже навсегда!..

13 августа

Странствую по сгорающей земле, под небом, не внимлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожарищ.

Полнеба рдеет, как раскаленное железо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переезжая из шалаша в шалаш, от огня

к огню. В окрестностях Дорогобужа ехали мы некоторое время с конницей генерала Корфа. Старший брат мой, знающий там все тропинки, служил ей лучшим путеводителем. Теперь пристаем чаще всего в дежурстве генерала Дохтурова. Нередко хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбец: имея неисчислимы способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя имея рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в дни наши; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться в опасности, на раны, в смерть? Но вот что значит любовь к Отечеству!.. Потомки не уступают предкам. О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами россиян!..

Помнишь, как мы вместе читали Шиллерову трагедию «Разбойники»? Помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микеланджело начертил пламенным пером своим? Там, среди ужасного пожара вселенной, леса, села и города тают как воск, и бури огненные превращают землю в обнаженную пустыню! Такие-то картины видим мы всякий раз, ложась спать! Каковы же должны быть сновидения? – спросишь ты. Их нет: усталость лишает способности мечтать. Уже и Дорогобуж и Вязьма в руках неприятеля: Смоленская губерния исчезает! Прощай!

Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Плают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля, вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? для чего уступают области? и чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо этого вождя сил российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет! думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб, посредством глубоких соображений, впервые предугадал о существовании нового мира и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихии, ни бурю страстей человеческих, видел ясно

перед собой отдаленную цель свою и вел к ней вверенный ему провидением корабль. Так, главнокомандующий армиями, генерал Барклай-де-Толли, проведенный с такой осторожностью войска паши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом. Потерянное может возвратиться; обращенное в пепел возродиться в лучшей красоте. Щедроты Александра обновят края, опустошенные Наполеоном... Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. <...>

17 августа

С какой грустью оставляют они дома, в которых родились, выросли и были счастливы! Бедные жители злополучных стран!

В одном прекрасном доме, близ дороги, написаны на стене женскою рукою простые, но для всякого трогательные слова:

Прости, моя милая Родина!

Друг мой! Настают времена, когда и богатые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих... Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражают-

ся!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны! Они горько жаловались, что бывший управитель-поляк отобрал у них всякое оружие при приближении французов. Долго ли русские будут поручать детей своих французам, а крестьян – полякам и прочим пришельцам?..

Того же числа

Теперь начальствует арьергардом и почти ежедневно сражается генерал-лейтенант Коновницын, воин, почтенный летами, заслугами и подвигами. У него адъютантом и правителем канцелярии общий совоспитанник и друг наш Ахшарумов, с которым я иногда выдаюсь.

Быть бою кровавому, быть великому сражению! Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их, разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание стать и сражаться! Горящие окрестности, разоряемые

церкви, поруганная святыня и стон жителей с неизъяснимой силой действуют на души их. О! Как добры и благочестивы солдаты русские! Чего нельзя с ними сделать? Никто не умеет так оценить и помнить храбрости офицера, как они. Один усатый гренадер, когда я с ним вчера разговаривал и объявил свое имя, сказал мне: «Да не родня ли вам Глинка, в Либавском полку что был под Смоленском в стрелках?» «Это брат мой», – отвечал я.

«Он прехрабрый, сударь, человек! – говорил гренадер, – с ним весело ходить вперед!» Вот нечаянное приветствие – и самое лестное! От часу более распространяется слух о скором прибытии к армии Светлейшего Князя Голенищева-Кутузова. Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету; древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его, матери выносят грудных младенцев, падают на колени и поднимают их к небу! Весь народ называет его спасителем.

Государь сказал ему: «Иди спасать Россию!» Россия, указывая на раны свои, вопиет: «Спаси меня!» Бессмертие уже готовит место на скрижалях своих, чтоб передать имя его в бесконечность времен. <...>

18 августа

Наконец прибыл сей лаврами и сединами увенчанный вождь! Некоторые из почтенных гжатских купцов привезли

его сами па прекрасных своих лошадях в село Царево-Займище. Я сейчас видел Светлейшего Голенищева-Кутузова, сидящего на простой скамье подле одной избы, множество генералов окружили его. Радость войск неописанна. У всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огней радостнее. Дымные поля биваков начинают оглашаться песнями.

20 августа

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необходимо нужного и ничего излишнего. Когда Светлейший Князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! Ничего этого не надо! – говорил князь. – Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе». В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог, скорей придет – больше отдыхать будет!» Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш “батюшка”! – говорили солдаты, – он все наши нужды знает: как не подраться с ним»; в глазах его «все до одного рады головы положить». Быть великому

сражению!

Все обстоятельства предвещают сражение, долженствующее решить судьбу отечества. Говорят, что в последний раз, когда Светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову; все войско закричало «ура!». В сей же день главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны Смоленской Божьей Матери и для иконы ее, находившейся при армии, сделать новый приличный кивот. Все это восхищает солдат и всякого!

На этих днях смоленский помещик Реад привез двух сынов, прекрасных молодых людей, и просил определить их в службу. Другой смолянин, ротмистр Клочков, оставя прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву, который, от тяжкой боли едва передвигая ноги и почти совсем не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях.

Вот что значит война отечественная!..

21 августа

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня

на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб – ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех, и пуля редкого минует!..

22 августа

Поутру полки расположились около Колоцкого монастыря. Там еще оставались два или три поседельных монаха. Я был у вечерни. Унылый стон колокола, тихое пение, синеватый сумрак, слегка просветляемый темной лампадою.

Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях, как оно!.. Нет! Восстал дух русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдастся, не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается

на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Все признаки великого сражения час от часу более становятся видимы. Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых, по временам, стреляет гром!..

23 августа

«Тут остановимся мы и будем сражаться!» – думал каждый, завидя высоты Бородинские, на которых устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадавшую, здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых слиянием этих двух речек. Стало войско – и не стало ни жать, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютейшее войны?..

Наступает вечер. Наши окапываются неутомимо. Засеками горюют леса. Пальбы нигде не слышать. Там, вдали, неприятель разводит огни; ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит на небеса! По последнему расположению войск у нас на правой руке Милорадович; на левой князь Багратион; в середине Дохтуров. Глава всех войск Князь Кутузов, под ним Барклай-де-Толли. Ожидают неприятеля и сражения. Прощай!

24 августа

Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын, с передовыми полками, схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря. Вот идут они: один искусно уклоняется, другой нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Смотрите, какая необозримость их движущихся стен!.. Поля дрожат, кажется, гнутся под множеством конных; леса насыпаны стрелками, пушки вытягиваются из долин и кустарников и, в разных местах, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки въезжают.

Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему...

24 августа. Поздно вечером

Неприятель, как туча, засипел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков, храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь

бога, укрепясь своим мужеством и оградясь русскими штыками, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с невероятной отважностью. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения и каждый раз был отражен. Поле покрылось горами тел. Во все время как мелкий огонь гремел неумолчно и небо дымилось на левом крыле. Князь Михаила Ларионович сидел на своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на середине линий. Он казался очень спокоен. Все смотрели на него и, так сказать, черпали от него в сердца свои спокойствие. В руках его была нагайка, которую он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушиваясь в гремящие переходы сражения, то внимательно обзревая положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары. Прощай до завтра!

25. Утро

Все тихо, неприятель отдыхает; перевязывает вчерашние раны и окапывает левое крыло свое. И наши не дремлют – готовятся.

25. Сумерки

Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородине. Оттуда в зрительную трубку – все как на ладони!

Они роются, как кроты, в земле; строят преогромные реду- ты, а пушек, пушек, и сказать страшно! На одном только око- пе насчитал я – сто! Но не один я задержан был любопыт- ством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Об- щее мнение было, что неприятель для того огораживает ле- вое крыло свое, чтобы свести все войска на правое и с су- губым усилием ударить на левов наше. На середину также ожидали нападения. Но вот уже сумерки! Ветер поднимает- ся с воем и гудит по шалашам. Французы оговорились и за- светили огни. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай – темно! Иду доставать свечи.

С 25 на 26. Глубокая ночь

Все безмолвствует!.. Русские, с чистой, безупречной со- вестью, тихо дремлют, облегли дымящиеся огни. Стороже- вые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все спокойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут устроенные огни в таборах неприятельских; музыка, пение, трубные голоса в крики по всему их стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они, верно, приветствуют разъезжающего по строям Наполеона. Точно так было перед Аустерлицким сра- жением. Что будет завтра? Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай!

29 августа. Окрестности Москвы

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Так началось беспримерное Бородинское сражение 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим – густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны.

Одни шалаши валяются, другие пылают! Войска бегут к ружью в огонь. Все это происходило в середине, а на левом нашем крыле давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть этого ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился Светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! Я видел это невероятно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с этим – сшибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микеланджело, изобразившую Страшный суд, чтоб осмелиться представить это ужасное побоище. Подумай только, что

до 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном, по их многочисленности, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием: 2000 пушек гремели беспрерывно. Тяжко вздыхали окрестности – и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожделенного конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице России; другие помнили, что заслоняют собой эту самую столицу – сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Серые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок, – сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны, – там целые

костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули; а сколько здесь пролетало пуль!.. Но это сражение неописанно: я сделал только абрис его. По счастью, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера нашего брата Григория. Он был ранен пулей в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли! Мы благословляли небо и поспешили проводить раненого в Можайск.

30 августа

«Так восходило оно в день Аустерлицкого сражения!» – сказал Наполеон перед строем войск, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотел заранее читать победу в Небесах? Но предвещания его не сбылись. О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородином! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и поте-

ряли 40 генералов! Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. «Оценка людей, – говорит Екатерина, – не может сравняться ни с какими денежными убытками!» Но в отечественной войне и люди – ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! Нет, друг мой! Ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть, никогда еще, не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле.

Однако ж Наполеон не остановился в Бородине: он влечет пронзенные толпы свои прямо к Москве. Там Милорадович, командуя передовыми войсками, принимает все удары на свой щит. Здесь составляется совещание об участии Москвы.

Что будет? Богу знать!

P. S. Я бы писал к тебе более и пространнее, но от нестерпимой головной боли едва могу мыслить. В течение всего этого времени, имев всегда постелью сырую землю, я сильно простудил голову. Лучшее описание Бородинского сражения получишь разве со временем. Прощай!

2 сентября

Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем

ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! Что значит блеск городов, очаровывающий наши чувства? Это самая тленная полуда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений – и Москва, осиротелая, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало или уезжает. Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против зараз французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Я забыл сказать тебе, что государь, в последний свой приезд в Москву, пожаловал ему Владимирский крест при следующих словах: «За любовь вашу к отечеству, доказанную сочинениями и делами вашими».

Мы было все пять братьев съехались в Москву, но пробыли вместе не более дня. Брат мой Иван уехал к князю Лобанову-Ростовскому, который взял его к себе в адъютанты... Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах Древнего Кремля!..

А мы, вслед за русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Севера, после двухсотлет-

ней свободы, должна опять почувствовать тяготу оков ино-
племенных!

4 сентября. Боровской перевоз

Москва в слезах; Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!

Так говорил я, вместе с одним из превосходнейших наших поэтов, стоя на высоком Мячковском кургане у Боровского перевоза на Москве-реке. Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимает какое-то очень искусное движение влево. Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Так скажет история, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году, при царе Иване Васильевиче, вся Москва разорена и была предана пламени набежавшим с ордой крымских татар ханом Дивлет-Гиреем в день 24 мая. «Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река мертвых не пронесла!» – так повествует летописец. В 1612 году она терпела почти такую же участь и славно избавлена Пожарским!

Один знаменитый писатель говаривал часто, что время настоящее беременно будущим. А посему-то, видя в настоя-

щем всеобщее вооружение, воскресший народный дух, твердость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что будущее, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением прошедшего; оно должно возратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде, все ополчается. Друг мой! Будем молиться – и надеяться!

Сентября 10. Рязань

С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство!.. По Рязанской губернии в нескольких местах переправляются через одну только Оку, и ни в одном месте нет порядочной переправы! Ни к чему не годные паромы на ветхих канатах едва могут поднять десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры больше всего при этом страждут. Целые семейства живут здесь на пустом берегу в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младенцу. Я еще в первый раз в здешних местах и в первый раз вижу, что Россия здесь так мало населена. Какие обширные поля и как мало жилищ! Кажется, что вся населенность в России сдвинулась к ее границам. Если б можно было сделать противное,

чтоб народ стеснился ближе вокруг сердца своего Отечества, а степи отделили бы от чуждых стран, чтоб разврат и оружие иноплеменников не так легко проникали в него!

Что сказать тебе более о нашем странствовании? Мы проехали Коломну, очень порядочный город, пониже которого сливается Москва-река с Окою. Я едва успел взглянуть там на древние развалины очень красивых башен; вихрь всеобщего смятения умчал и нас с собою далее. Мне очень хотелось найти здесь подполковника артиллерии, двоюродного брата моего и друга Владимира Глинку, который, помнишь, был с нами вместе в Корпусе; но он уже ушел с ротою куда-то за Оку. Мы проезжали Зарайск, прелестный городок на берегу светлой реки Осетра, впадающей в Оку. Там осмотрел я старинную крепость, называемую Кремлем.

Говорят, что предки наши были непросвещенны; однако ж они умели выбирать самые выгодные места для своих Кремлей. Зарайский Кремль служит доказательством. Стоя на возвышенном месте, он преграждает переправу на реке и может действовать орудиями далеко по дороге, извивающейся по чистым и гладким полям, по которой прихаживали туда татары. Почти вся Рязанская губерния полиста и безгорна: кое-где холмится. В каждой лощине хутор или деревенька. Ручей и рощица – суть сокровища в сей стороне. Земля отменно хлебородна.

Женщины здешние ходят в шушунах а на голове носят остроугольные кички, которые придают им необыкновенный

рост. Они говорят проезжим: «Добрый господин, касатик», одна другой говорят: «Подруга ластушка». Мужчины великорослы, свежи, белотелы; в обращении несколько суровы. Об Рязани, по причине краткого в ней пребывания, не скажу тебе ни слова. Я заметил только, что лучший и огромный из всех домов в ней есть дом откупщика. Как разживаются у нас откупщики и французы-учители!.. Мы полагали, что в таком городе, как Рязань, будет приют для раненых, но им велят убраться в Касимов; мы едем с братом туда. И здесь все волнуется. Бог знает от чего? Народ суетлив!

Сентября 11

Не припомнишь ли ты в прошлогоднем «Вестнике Европы» одной очень остроумной статьи? – Это было какое-то сновиденье, которое теперь можно назвать пророческим. Человек, писавший этот отрывок, сквозь целый год будущего видал сбывающееся ныне. Он видел, – говорит он, – во сне, что будто на Россию сделалось нашествие и Москва окружена татарами! Стон и вопли повсеместны. Но победоносный хан Узлу-к-узлу смягчается слезами нежного пола. Он позволяет каждой женщине вынести на себе то, что ей всего дороже. Зритель во сне с нетерпением ожидает, что или кого станут выносить?.. Наконец открылись заставы и повалили толпы женщин. У большей части из них ноши были легки: они несли шляпки, шали, ленты, кружева и прочие освященные модою безделки. Иные тащили кипы ро-

манов, другие уносили любимых постельных собачек, по- пугаев, кучи сладких записочек и раззолоченных альбомов. Вдруг мелькает знакомое лицо – жена любопытного зрителя. С помощью нескольких дюжин горничных девушек та- щит она на себе преогромный короб. Вот тут-то, верно, спря- таны дети мои, думает чадолюбивый отец и бежит вслед за женою. Молодая супруга останавливается, бережно опускает короб, с нетерпением открывает его, и – оттуда выскакива- ет... француз-учитель! Бедный муж ахнул и проснулся. А те- перь не проснешься, видя подобные случаи: ибо видишь их наяву!.. С каким старанием сии скачущие за Волгу увозят с собою французов и француженок! Берегут их, как родных детей!

Какое французолюбие! Несчастные! Выезжая из чумы, везут с собою вещи, напоенные ядом ее!.. Не совсем-то хоро- шо и то, что по той же самой дороге, где раненые солдаты па- дают от усталости, везут на телегах предметы моды и роско- ши. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают Купидонов, Ве- нер, а презирают стоны бедных и не смотрят на раны храб- рых!!

Гремит гром, но не всякий еще крестится!..

21 сентября. Село Льгово – недалеко от Рязани

Мы уже были в Касимове, но не более двух дней. Три пе- ревязки, сделанные искусным лекарем, встретившимся нам на дороге, облегчили рану брата. Он не захотел тесниться

в городе, наполненном великим множеством раненых, и, почувствовав себя в состоянии лечиться при полку, решился ехать в армию. В Касимове любопытно видеть древнее кладбище татарских ханов и читать надписи на обломках великолепных надгробников; но я не успел ничего видеть. Я только видел большие барки, на которых благородные семейства со всем домом, с каретами, лошадьми и прочим, тянулись вниз по реке. Все уплывает, уходит или уезжает!

Вот времена! Дай бог, чтобы они скорее кончились и никогда не возобновились!

Как странна упряжь уезжающих! Часто подле прекрасной английской верховой лошади видим мы запряженную водовозную клячу; видим людей богато одетых в крестьянских телегах! Теперь люди испытывают то, о чем прежде едва ли слышали. Очень редко видим едущих к Рязани; везде оглобли и дышла повозок и головы лошадей обращены в противоположную сторону.

Сейчас гулял я по берегу Оки и смотрел, как буря играла синими волнами ее и гнала их в далекое пространство открытых степей. В разных местах приметны на берегах Оки огромные горы сыпучего песку: кто насыпал их? веки или наводнения? Песчаные берега, осененные темно-зелеными елями, под туманным небом представляют унылые Оссияновские картины.

Здесь, в Ольгове, есть монастырь на превысокой скале над Окою. Отшельник, живущий в нем, может смотреть в одно

окно на Европу, в другое – на реку и степи, идущие к пределам Азии. С одной стороны слышит он шум страстен и стон просвещенных народов, с другой – представляется ему молчаливая природа, в величественной важности своей. Полу-дикие племена, кочующие в дальних степях, не имеют великолепных городов и пышных палат, но зато незнакомы с заботами и горестями, гнездящимися в них!

26 сентября. Город Таруса

В Рязани простились мы с братом Сергеем: он поехал отыскивать жену свою и семейство, которое составляло все утешение, все счастье трудами и бурями исполненной жизни его. Кажется, Плутарх сказал, что брат есть друг, данный нам природою; мы испытали это, особенно в теперешнем странствии.

От Рязани проехали опять Зарайск, потом Каширу и Серпухов.

Какие прелестные места!.. Здесь берега Оки унизаны селениями, расположенными на прекрасных холмах, между зелеными рощицами. Почти на всякой версте видим красивые господские дома, каменные церкви, больницы и сады. Какое приятное соседство! Как счастливы должны быть здесь люди, если только они так хороши, как их природа! Женщины здешние имеют живой, алый румянец на белом лице, белокуры и вообще очень хороши собою. Здесь, верно, проводят приятные летние месяцы в хозяйственных занятиях,

во взаимных друг другу посещениях, в прогулках по светло-голубой Оке и живописным берегам ее. Зимой здесь, верно, пользуются таким близким соседством: катаются на легких санях или бегают на коньках по светлому льду из дому в дом. Занимаются приятными разговорами, музыкою, полезным чтением и, важность бесед услаждая невинными забавами, живут в дружбе, любви и простоте, вовсе не заботясь о шумных городах и большом свете. Так думаешь, но совсем не то находишь. К сожалению, с того времени, как французские моды вскружили головы французских питомцев, на Руси изредка стали заглядывать в поместья свои. Собрав сельские доходы, тотчас спешат приносить их на алтарь моде во храмах, воздвигнутых ею в Москве. Французские торговки и рассеянная жизнь все поглощают!..

Питомцы французов, не заботясь о наследии отцов, входят в долги, читают французские романы и не могут поверить, чтоб в стране своей родной с счастьем можно в селах знаться! Опустелые каменные дома и различные заведения свидетельствуют, что здесь некогда люди пользовались выгодами и приятностями сельской жизни. Может быть, теперь, вразумленные пожаром Москвы, сожженной их любимцами, дети возвратятся к благим обычаям отцов своих.

Друг мой! Французы-учители не менее опасны и вредны французов-завоевателей: последние разрушают царства, первые – добрые нравы, которые, неоспоримо, суть первейшим основанием всех обществ и царств. Рассказывают, что

одна несчастная, не россиянка по воспитанию, слюбившись с французом, воспитателем ее детей, выгнала из дому доброго, честного и генеральский чин уже имевшего мужа своего. Она могла это сделать, ибо, к несчастью, все имение принадлежит ей. Нежный отец украдкою только выдается с детьми своими. Когда велено было всех французов высылать за границу, то этот назвался прежде итальянцем, а потом жидом! Каковы французы!

Нет брани, которой бы стоил этот превратный и развратный народ!

Теперь здесь побережье Оки совершенно пусто; все господа уехали в степи от французов, так как прежде, заражаясь иноземною дурью, ездили в Москву и в Париж к французам.

Признаюсь тебе, что сколько я ни люблю прежних французских, а особливо драматических, писателей, однако желал бы, чтоб язык их менее употребителен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному дереву, которого корни подтачивает.

Крайне прискорбно видеть и в армии язык сей в излишнем употреблении. Часто думаешь, что идешь мимо французских биваков! Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я заметил, что люди эти умны только по-французски. Послушай их, говорящих по-русски, – и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исче-

зают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть фразеры (fraseurs), которые умны чужим умом. Память их испещряется выражениями разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество каламбуров, пословиц и памятных стихов (des vers a retenir) придают разговорам их какую-то пестроту и приятность... на первый только раз! Однажды спросили у Дидерота, каких он мыслей о том человеке, с которым недавно проговорил целый час?

«Он умен», – отвечал Дидерот. Но те, которые знали его коротко, начали смеяться и доказали, что он дурак. «Ну, так я не виноват, – возразил Дидерот, – что он на один только час запаса умом!»

Стало, у французов можно запастись умом? По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения, а для этого нужен незаемный ум. Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец!

27 сентября

Я сделал бы великое преступление, если б в то время, как загружаю некоторые письма мои к тебе разными подробностями, не упомянул о деяниях одного из знаменитых соотечественников наших. Эти деяния, весьма полезные теперь, почтенные во всякое время и драгоценные для истории, пролагают сами себе верный путь чрез благородные сердца со-

временников в память и сердца потомков. Я говорю о подвигах доброго, человеколюбивого генерала графа Воронцова. В самых молодых годах, получа одно из величайших наследств в России, он не уснул на розах. Напротив, по стезе трудов и терний пошел за лавровыми венцами. Не стану распространяться о его храбрости – она известна. Но не могу не разделить с тобою удивления моего тому, что ни богатство, в котором так легко черствеют сердца, ни блеск воинской славы не могли отвлечь его внимания от страданий ближних.

Никто больше его не вникал в нужды бедных офицеров, никто не был ближе к принесению им помощи. Он привлекал к себе любовь подчиненных и славился ею еще в то время, как водил отряд свой по вертепам Балканских гор. Отгремев на берегах Дуная, явился он в войсках Второй Западной армии. В день ужаснейшей Бородинской битвы долго отстаивал с преданными ему гренадерами место свое на левом крыле. Наконец, покрытый ранами и славою, с потерей крови и памяти унесен с поля. Теперь, остановясь в одном из своих поместий, лежащем на одной из больших дорог, ведущих из Москвы в глубь России, он открыл весь дом свой к помещению, а сердце к просьбам несчастных. Все раненые офицеры, солдаты и бесприютные странники русские заходят к нему, как в собственный дом. Весьма приличное содержание, пища и покров. Многих благотворительность его оделяет втайне и деньгами. Слухи о сем, доходя до сих мест, восхищают всех истинно русских. А я сердечно рад, когда мо-

гу золотить письма мои немерцающим блеском отечественных добродетелей. «Где девал ты свое имение?» – спросил некогда царь Иван Васильевич боярина своего Шереметева. «Чрез руки бедных отправил к богу!» – отвечал он царю. Вот лучшее употребление богатств, употребление, достойное русских вельмож! В царствование Елисаветы, когда проповеди начинали уже становиться необходимыми к умягчению дебеливших в роскоши сердец, Гедеон в одной из проповедей, произнесенной им в день сошествия Св. Духа, жарко вступает за бедных. Он сильно и красноречиво доказывает, что богачи суть люди, которых бог удостоил быть блюстителями сокровищ земных, не для чего иного, как для вернейшего подела оных бедным собратиям своим. Ударит последний час, те и другие явятся с отчетом: первые в раздаче, последние в получении. Молитвы бедных отворят врата райские богачам. Богачи нашего времени! Какой ответ дадите вы, если глас царя небесного или голос Отечества спросит у вас: «Где деваете вы свои имения?» Горе тем, которые, указав на лиющееся море роскоши, скажут: «Там утопают они!» Не думаете ли вы, питомцы неги, пресыщаться спокойно отрадами жизни, когда придут грозы и вы по-прежнему в домах расставите ломкие сокровища – зеркала и фарфоры свои? Нет! Тогда громкие стоны бедных, которые роями притекут к пеплу пожарищ своих, заглушат все песни вашей радости!..

29 сентября

Наконец, среди опустошенных селений, по лесистой проселочной дороге, соединяющей большую Тульскую с Калужской, прибыли мы к Тарутину. Небольшие отряды, рассеянные для фуражирования, служили нам проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонте, еще издалека указало место, где стояла армия на биваках. Выезжаем из леса – и видим пространное поле, ряды высоких укреплений; вправо крутые берега Нары, далее представляется множество огней, ярко светящихся в вечерних сумерках, и многочисленное воинство, стройно расположенное в соломенных шалашах по обеим сторонам большой дороги. Веселые клики, повсеместное пение и музыка, в разных местах игравшая, ясно доказывали, что дух войск не был еще удручен печалью. Здесь-то остановились наконец храбрые тысячи русских, безмолвно следовавшие за своими вождями, беспрестанно сражавшиеся и при всегдашней победе уступавшие села, города, целые области хищному неприятелю. Здесь остановились они для того, чтобы всем до одного умереть или нанести смертельный удар нашествию.

Около ста тысяч войск, чудесно укрепленное местоположение и большое число пушек составляют в сем месте последний оплот России. Но войско наше кипит мужеством; но любовь к отечеству овладела сердцами всего народа; но бог и Кутузов с нами – будем надеяться!

Сентября 30

На месте, где было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной, и в окрестностях оногo явился новый город, которого граждане – солдаты, а дома – шалаши и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов, можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами, водкой. Здесь между покупателями, между продающими и меняющими, в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди их песен и музыки, забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россия уже за Нарою...

Отдых, некоторая свобода и небольшое довольство – вот все, что тешит и счастливит военных людей! <...>

4 октября. Село Тарутино

Сегодня генерал Милорадович взял меня с собой обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие

вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг, в корень разоренный смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке, с пустыми карманами, имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов...

К большому моему удовольствию я познакомился здесь с любезным молодым человеком графом Апраксиным, адъютантом генерала Уварова.

7 октября. Тарутино

Еще звенит в ушах от вчерашнего грома. После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль. Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Третьего дня к вечеру генерал Беннигсен заезжал к генералу Милорадовичу с планами. Они долго наедине советовались. Ночью знатная часть армии сделала, так сказать, вылазку из крепкой Тарутинской позиции. Славный генерал Беннигсен имел главное начальство в этом деле. Генерал Милорадович командовал частью пехоты, почти всей кавалерией и гвардией. Нападение на великий авангард французской армии, под начальством короля Неаполитанского, сделано удачно и неожиданно.

Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству. 20 пушек, немалое число пленных и ве-

ликое множество разного обоза были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманного и счастливо исполненного предприятия. Движениями войск в сем сражении управлял известный полковник Толь, прославившийся личной храбростью и великими познаниями в военном деле. Предупреждаю тебя, что все мои описания с этой поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к пространным письменным занятиям. Подожди! Когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее описание действий войск под начальством генерала Милорадовича. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не означена в ведомостях; но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой «Ведомостей», а герой Истории и потомства.

Скажу тебе, что этот генерал, принявший, по просьбе Князя Светлейшего, начальство над арьергардом после страшного Бородинского сражения, дрался с превосходным в числе неприятелем с 29 августа по 23 сентября, т. е. 26 дней непрерывно. Некоторые из этих дней, как-то: 29 августа, 17 сентября и 20 и 22 того же месяца, ознаменованы большими сражениями, по десяти и более часов продолжавшимися. Известно ли все это у вас?

9 октября. Дача Кусковникова близ Тарутина

Как живуч может быть человек!.. Сегодня поехал генерал Милорадович, и мы все за ним, осматривать передо-

вые посты, оставшиеся на том самом месте, где было сражение. В разных местах валялись разбросанные трупы, и между ними один, весь окровавленный, казалось, еще дышал. Все остановились над ним.

Этот несчастный за три дня пред сим оставшийся здесь в числе мертвых, несмотря на холодные ночи, сохранял еще в себе искру жизни. Сильный картечный удар раздробил ему половину головы: оба глаза были выбиты, одно ухо, вместе с кожей и частию черепа, сорвано; половина оставшейся головы облита кровью, которая густо на ней запеклась, и за всем тем он еще жил!.. Влили ему в рот несколько водки, игра нерв сделалась живее... «Кто ты?» – спрашивали у него на разных языках. Он только мычал. Но когда спросили наконец: «Не поляк ли ты?», он отвечал по-польски: «Да!» «Когда ранен?» – «В последнем деле, то есть третьего дня». – «Чувствуешь ли ты?» «Бывают минуты, когда чувствую – и мучусь!» – отвечал он с тяжким вздохом и просил убедительно, чтоб его закололи. Но генерал приказал дать ему опять водки и отвезти в ближайшую деревню. <...>

Мы теперь переместились со всем дежурством в один огромный каменный дом, который, по-видимому, был некогда убран богатою рукою. Теперь все изломано и разорено. На биваках у казаков сторают диваны, вольтеровы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, кушетки, козетки и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные баловни ее, увидя это в другое время?

23 октября. Город Вязьма

Среди дымящихся развалин города, под громом беспрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!.. Торжествуйте великое празднество освобождения Отечества!.. Враги бегут и гибнут; их трупами и трофеями устилают себе путь русские к бессмертию. До сих пор я не имел ни одной свободной минуты. В течение 12 суток мы или шли, или сражались. Ночи, проведенные без сна, а дни в сражениях, погрузили мой ум в какое-то затмение – и счастливейшие происшествия: освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого Ярославца, его бегство – мелькали в моих глазах, как светлые воздушные явления в темной ночи. Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем. Итак, я скажу несколько слов только о том, что при свободном досуге надобно бы описать на нескольких страницах. Еще повторяю, что о делах генерала Милорадовича (который почти всякий раз доносит главнокомандующему в двух или трех строках, не более того, что он отразил или побил неприятеля там и тогда-то) я постараюсь представить тебе подробнейшее описание, если останусь жив и записная книжка моя уцелеет.

Вскоре после Тарутинского дела, 6 октября, Князь Светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву,

намерен прорваться в Малороссию. Генерал Дохтуров, с корпусом своим, отряжен был к Боровску. Вслед за ним и вся армия фланговым маршем передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собой ворота Малороссии и была свидетельницей жаркого боя между нашим 6-м и 4-м французским корпусами при Малом Ярославце.

Генерал Милорадович, сделав в этот день с кавалерией 50 верст, не дал отрезать себя неприятелю и поспешил к самому тому времени, когда сражение пылало и присутствие его с войсками было необходимо. Фельдмаршал, удивленный такой быстротой, обнимал его и называл крылатым. В наших глазах сгорел и разрушился Малый Ярославец. На рассвете генерал Дохтуров, с храбрыми войсками своего корпуса, присоединился к армии, которая двинулась еще левее и стала твердой ногой на выгоднейших высотах.

Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день жизнь генерала была в явной опасности, и провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпой с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля.

Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «В вас целят, ваше превосходительство!» – и пули засвистали у нас мимо

ушей.

Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После этого генерал Ермолов, прославившийся и сам необычайной храбростью, очень справедливо сказал в письме Милорадовичу: «Надобно иметь запасную жизнь, чтоб быть везде с вашим превосходительством!»

Через два дня бегство неприятеля стало очевидно, и наш аррьергард, сделавшись уже авангардом, устремился преследовать его. Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды – вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязьме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой, ибо до того времени один генерал Платов теснил его летучими своими отрядами.

Вчера началось сражение, с первым лучом дня, в 12 верстах от Вязьмы. У нас было 30 000, а вице-король итальянский и маршалы Даву и Ней наставили против нас более 50 000. Неприятель занимал попеременно шесть выгоднейших позиций, но всякий раз с великим уроном сбиваем был с каждой победоносными нашими войсками. Превосходство в силах и отчаянное сопротивление неприятеля про-

длили сражение через целый день. Он хотел было непременно, дабы дать время уйти обозам, держаться еще целую ночь в Вязьме и весь город превратить в пепел. Так уверяли пленные; и слова их подтвердились тем, что все почти печи в домах наполнены были порохом и горючими веществами. Но генерал Милорадович, послав Паскевича и Чоглокова с пехотой, которые тотчас и ворвались с штыками в улицы, сам с бывшими при нем генералами, устроив всю кавалерию, повел в объятый пламенем и неприятелем наполненный еще город. Рота конной артиллерии, идя впереди, очищала улицы выстрелами; кругом горели и с сильным треском падали дома; бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались; неприятель стрелял из развалин и садов; пули свистели по улицам. Но, видя необоримую решимость наших войск и свою гибель, оставил он город и бежал, бросая повсюду за собой зажигательные вещества. На дымящемся горизонте угасало солнце.

Помедли оно еще час – и поражение было бы совершеннее; но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров. До пяти тысяч пленных, в числе которых известный генерал Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Неприятель потерял, конечно, до 10 000. Путь на 12 верстах устлан его трупами. Генерал Милорадович остановился в том самом доме, где стоял Наполеон, и велел тушить горящий город. Сегодня назначен комендант, устроена военная полиция, велено очищать улицы от

мертвых тел...<...>

26, в два часа пополудни. Дорогобуж

Вот сейчас только кончился штурм крепостного замка в Дорогобуже. Мы вырвали его из рук французов, захватили город, который они уже начали жечь, и провожали их ядрами, покуда не скрылись из наших глаз; а теперь сильная буря, веющая к западу, и генерал Юрковский с легкой конницей гонят их далее. Стужа увеличилась, метель потемнила воздух. Мы забрались в дом к протопопу, в котором уцелели окна и немного тепло. Я нашел старую чернильницу, отмолил засохшие чернила и пишу к тебе как могу. Позамедлив несколько в Вязьме, я должен был скакать 30 верст, чтоб догнать наши войска, неослабно преследовавшие неприятеля. Я ехал вместе с генералом Вильсоном, который не отстаёт от авангарда и по доброй воле бывает в огнях. В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов.

Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают; смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать

конские кости. – Так караются враги, дерзающие наступать на святую Русь! Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию в дни малолетства царя Ивана Васильевича. «Великие снега и морозы познобили татар; а остальных казаки добивали, – так говорит Царственная книга. Во все эти дни неприятель беспрестанно забавлял нас потешными огнями: он подрывал много своих пороховых ящиков. Бог знает каких только неистовств не делает этот неприятель! Он отряжает нарочные толпы для сжигания деревень, прикалывает наших пленных и расстреливает крестьян. Зато и крестьяне не спускают им! Большими ватагами разъезжают они с оружием по лесам и дорогам, нападают на обозы и сражаются с толпами мародеров, которых они по-своему называют миродерами. По их толкам, это люди, обдирающие мир!

Генерал Вильсон говорит, что война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной. Мой друг! Молнии и зарницы электрической своей силой способствуют зрелости жатв; молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. Таков порядок вещей под солнцем!..

Я не сказал тебе еще о сегодняшних трофеях наших. Они состоят в 600 пленных и двух пушках. Все это досталось нам после довольно жаркого боя. Укрепленные высоты Дорогобужа должны мы были взять открытым штурмом, а из города выйти неприятеля заставил генерал Милорадович искусным направлением дивизии принца Виртембергского в об-

ход слева. Пожар начал было распространяться и здесь, но густым снегом и усердием наших солдат был потушен. Тут также оставляется комендант, которому поручено сзывать жителей на прежние их жилища. Надо видеть наших солдат, без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно взлетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как принято освобождать города своего Отечества! 4-го Егерьского полка майор Русинов, получив рану в руку при начале штурма, велел поддерживать себя солдатам и продолжал лезть на вал; через несколько минут ему прострелили ногу, и солдаты вынуждены были снести его в ров. Но этот храбрый офицер до тех пор не приказывал уносить себя далее и не переставал ободрять солдат, пока не увидел их уже на высоте победителями. Это тот самый, который вышел одним выпуском прежде нас из корпуса.

Представь себе, друг мой, что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы только пепел и развалины; но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробах отцов своих! Теперь сходен я с кометой, которая не успеет приблизиться к солнцу, как вдруг косвенным путем удаляется опять от него на неизмеримые пространства. Завтра мы едем отсюда, но не в Смоленск, а боковыми, неизвестными путями и дорогами, через леса и болота... После узнаешь ты об этом искусном и, конечно, гибельном для французов движении наших войск.

7 ноября. На поле близ Красного

Видишь ли, какой мы сделали шаг! От Дорогобужа прямо к Красному. Смоленск и Днепр остались у нас справа. Тихо подкрались мы к большой дороге, из Смоленска в Красное. Неприятель полагал нас за тридевять земель; а мы, как будто из-под земли, очутились вдруг перед ним! Это впрямь по-суворовски! Теперь называют это фланговым, или боковым, маршем, 3-го числа ноября показались мы из лесов против деревни Ржавки. Неприятель шел по большой дороге спокойно и весело: наступившая оттепель отогрела жизненные силы этих питомцев благодетельного климата их отечества. Великие обозы с северными гостинцами тянулись между колонн. Генерал Милорадович приказал тотчас напасть. Неприятель остановился, сыпнул в овраги и паростники множество стрелков, выставил, между берез, по высотам дороги, легкие орудия; а тяжелой артиллерии и обозам, в сопровождении своей конницы, велел спастись вперед. Наши наступили с обыкновенным мужеством – и дело загорелось! Но, несмотря на великое превосходство в силах неприятеля перед нами, он был мгновенно сбит с большой дороги, поражаем в полях и одолжен спасением одной только темноте ночной и ближним лесам, в которых скрылся. Знамена, пушки, пленные и множество обоза наградили победителей, на первый раз, за трудный фланговый марш. Впереди нас видна была деревня; генерал Милорадович хотел в ней про-

вести ночь, ему говорят, что там еще французы. Он посылает казаков истребить их – и мы там ночевали. После этого 4, 5 и 6-го числа, три дня сряду, проводили в непрерывных сражениях. Всякий вечер отбивали у французов ночлег в нескольких верстах от большой дороги. С каждой утренней зарей, коль скоро с передовых постов приходило известие, что колонны показались па большой дороге, мы садились на лошадей и выезжали на бой. Наполеону очень не нравилось, что генерал Милорадович стоит под дорогой и разбивает в пух корпуса его; но делать нечего!.. Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнее всех прочих. Вчера. – О! Восхищайся, друг мой, столь знаменитой победой: вчера генерал Милорадович разбил совершенно тридцатитысячный корпус под предводительством искуснейшего из маршалов Наполеона – Нея, недавно прозванного им князем Москворецким. Неприятельский урон чрезвычайно велик. Все четыре начальствовавших генерала убиты. Места сражений покрыты горами неприятельских тел. В эти четыре дня для нас победоносные потеря неприятеля, наверно, полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых, сколько ты думаешь? – 22 000; пушек – 60!.. Поля города Красного в самом деле покраснели от крови. В одержании этих четверодневных побед много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки. Отважными нападени-

ями конницы предводительствовал генерал Уваров. Артиллерия оказала громадные услуги. Полковник Мерлин командовал ею в авангарде. Его рота и рота отважного капитана Башмакова покрыли себя славой. Действия пушек искусного и храброго Нилуса под Смоленском и Гулевича под Вязьмой останутся навсегда памятны французам. Остальные 600 из разбитого Неева корпуса, укрепившиеся с пушками в лесах, прислали уже поздно к вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до последнего. Французы называют Милорадовича русским Баярдом; пленные везде кричат ему: «Да здравствует храбрый генерал Милорадович!» Его и самые неприятели любят, вероятно, за то, что он, сострадав об них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным. После всего этого ты видишь, что трофеев у нас много; лавров девать некуда; а хлеба – ни куска... Ты не поверишь, как мы голодны! По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск наши обозы с сухарями отстали; все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел.

Разбитые французские обозы доставили казакам возможность завести такого рода продажу, о которой ты, верно, не слыхивал. Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мертвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!!

За сто рублей бумажками покупают обыкновенно мешок серебра, в котором бывает по сто и более пятифранковых монет. Отчего ж, спросишь ты, сбывают здесь так дешево серебро? – Оттого, что негде и тяжело возить его. Однако ж куплю этой пользуются очень немногие: маркитанты и прочие нестроевые. Но там, где меряют мешками деньги, – нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью! Все почти избы в деревнях сожжены, и мы живем под углами в шалашах.

Как жалко смотреть на пленных женщин! Их у нас много. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрасную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Однако ядро лишило их жизни, может быть, в минуту последнего прощания. Тогда же, в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем, двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния, взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.